

**ΑΓΑΤΑ
ΛΕΛΨ**

АГАТА ЛЕЛЬ

давай
НИКОМУ
не скажем

Москва
2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л43

Разработка серийного оформления *Г. Ганжа*

Редактор серии *А. Самофалова*

Лель, Агата.

Л43 Давай никому не скажем / Агата Лель. — Москва :
Эксмо, 2021. — 416 с.

ISBN 978-5-04-120421-1

Яна, отказываясь от перспектив столицы, возвращается в родной городок и устраивается преподавательницей в колледж в попытке наладить треснувшую по швам жизнь. На Яне — младшая сестра и мать-алкоголичка. Пока Яна пытается вырваться из этого круга, ей на пути встречается он — молодой и обаятельный студент, привыкший добиваться желаемого всеми способами. Каждый из них хранит тайну, которая способна разрушить все.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-120421-1

© Лель А., 2021
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Яна

Открылась дверь кабинета, и уверенной походкой в аудиторию вошла Эмма Валентиновна. Студенты подскочили со своих мест, моментально прервав шумную болтовню на полуслове. В воздухе повисла гнетущая, даже какая-то неживая тишина, нарушаемая лишь скрежетом ножки стула где-то в районе последних парт.

— Садитесь, садитесь, — небрежно махнула худенькой ладонью директор, всем видом демонстрируя свое превосходство. — Еще раз поздравляю с началом нового учебного года, надеюсь, что все хорошо отдохнули и полны сил, чтобы с утроенным рвением приступить к занятиям, — она окинула присутствующих пристальным взглядом, недовольно качнув головой. Впрочем, свои претензии она так и оставила невысказанными. — Это Иванникова Яна Альбертовна, ваш новый преподаватель английского языка.

Услышав свое имя, я вздрогнула и натянуто улыбнулась. Не слишком уверенно отошла от двери, где топталась все это время, и шагнула ближе к директорисе.

Двадцать восемь пар глаз как по команде уставились на меня, даже не думая скрывать плещущее через край любопытство. Взгляды молодых, еще неоперившихся птенцов, которые пока не умеют вуалировать свои истинные чувства. Все их эмоции буквально читались на лицах: девочки, макияж которых был слишком ярким и неуместным для учебного учреждения, разглядывали меня с ног до головы, словно не

преподавателя, а соперницу, вероломно ворвавшуюся на их территорию. Мальчишки, удивительно рослые для своих лет, бросали оценивающие взгляды, одобрительно ухмыляясь. Мне все это было не в новинку — как-никак целый год преподавательского стажа. Но все равно каждый раз я волновалась, как в первый. Примут ли меня студенты? Найдём ли мы общий язык?

Со школьниками младших классов проще — для них я взрослая женщина и по умолчанию авторитет. А вот признания старших ребят приходилось добиваться, что было не совсем просто. Им по восемнадцать, мне — двадцать три. Вчерашняя студентка, практически ровесница своих подопечных, нам бы дружить и по клубам вместе ходить, а вместо этого я должна нести им доброе, нужное, вечное, не переступая границ дозволенного и не скатываясь к панибратству. И именно это — невозможность быть собой, обычной молодой девушкой, такой же, как они, — и делало выбранную мной профессию особенно сложной.

Тяжело преподавательское бремя, но еще тяжелее было стоять у всех на виду в новых туфлях, купленных на рынке в последний день летней распродажи. Взяла то, на что хватило денег. И пусть на размер меньше, разносятся, зато недорогие, в моей ситуации не до шика. Спасибо и на том, а то пришлось бы прошлогодние обувать, со сбитыми носами. Стыдоба!

Каблук был высоковат, из-за чего к моему почти метру шестидесяти пяти прибавилось еще восемь сантиметров. Рядом с миниатюрной директрисой я возвышалась неприступной скалой, но почему-то ощущала себя на голову ниже — настолько мощным был авторитет Эммы Валентиновны.

— Загляните потом ко мне, — сдержанно улыбнулась она и, подбадривающе коснувшись моего запястья, с грацией кошки — ступала медленно, манерно — покинула кабинет.

Как только за ее спиной закрылась свежевыкрашенная дверь, обстановка в аудитории разительно изменилась. Студенты будто разом выдохнули, приняв расслабленные позы, а кое-кто и вовсе начал негромко переговариваться, не обращая внимания на присутствие нового преподавателя.

Я стояла как вкопанная на том же месте, незаметно вытирая о юбку вспотевшие ладони.

Да что ж такое, волнительно, как никогда! Я так не переживала даже в свой самый первый рабочий день, когда в прошлом году впервые переступила порог элитной столичной школы в качестве педагога. Как долго я привыкала там к новому статусу, осваивалась, пока привыкла к ученикам, и вот, опять проходить все это заново.

Может, так волнительно от того, что это колледж моего родного города, а может, виной тому были серо-голубые глаза, смотрящие то ли обиженно, то ли обвиняюще, с первой парты напротив преподавательского стола.

Собравшись с духом, выдавила улыбку:

— Здравствуйте, ребята...

— Ребята, — хмыкнул рыжий верзила, вальяжно раскачиваясь на стуле. — Как на утреннике в детском саду.

По рядам прошел сдержанный смешок.

«Так, Яна, соберись. Это всего лишь вчерашние школьники», — мысленно осадила себя от необдуманного ответа.

Хотя рыжий был больше похож на великовозрастного дядю, чем на студента второго курса колледжа: клетчатый свитер, из которого мальчишка явно вырос, едва не расходился по швам, обтягивая огромный живот. Короткая стрижка под «ежика» открывала широкий лоснящийся лоб, покрытый крупными прыщами. В пухлых ладошках тот, не стесняясь, крутил пачку сигарет.

«Полно комплексов, отстаивает авторитет, как может. А показное хамство лишь защитная реакция», — сразу же составила психологический портрет паренька, но смелости мне это не прибавило. Дрожала как осиновый лист.

Нужно брать себя в руки. Второго шанса оставить первое впечатление больше не будет.

Пропустив шпильку рыжего мимо ушей — хотя укол не остался незамеченным, — продолжила:

— Меня зовут Яна Альбертовна, и мне бы хотелось, чтобы на моих парах мы старались говорить исключительно по-английски. Давайте познакомимся ближе?

— Давайте ближе, — шепнул кто-то с «галерки».

По кабинету снова пробежала волна тихого смеха.

Проверяют на вшивость. Если покажу сейчас слабость — сядут на шею, до выпускного не скину.

— Вот ты, как тебя зовут? — игнорируя выходящую из-под контроля обстановку, обратилась к девочке с рваной черной челкой, закрывающей один глаз. Та вздрогнула и мигом прекратила пережевывать жвачку.

— What is your name?

— Ира Долгополова... — пробубнила она, глядя исподлобья, как дикий волчонок.

— А по-английски?

— Ира... Долгополова, — растерянно повторила она, и аудитория взорвалась от хохота.

Даже мне стало смешно, но я всеми силами подавила улыбку, дабы не подрывать с такой силой создаваемый образ педагога, который не позволит на своих парах вольностей.

— Хорошо, давай снова, — терпеливо улыбнулась я. — My name is...

— Ира. Долгополова, — с нажимом, чеканя слова, повторила девчонка, сверля неспрятанным за челкой и жирно подведенным черным карандашом глазом.

— Да Долгополову бесполезно спрашивать, она на пары ходит раз в неделю, — подсказал щупленький паренек в круглых очках. — Тупая как пробка.

— Зато не лохушка, как некоторые, — огрызнулась Ира.

— Давай, четырехглазый, поставь на место чуханку, — крикнул верзила и, хрюкнув, неприятно захохотал.

— А ты, жирный, вообще рот закрой, воняет, как из помойки!

— Ты че сказала, коза? — Над партой выросла огромная фигура рыжего.

Долгополова вскочила с места. Я решила, что она бросится на обидчика с кулаками, но вместо этого Ира схватила свою безразмерную сумку с множеством значков и пульей выскочила из кабинета.

Произошедшая сцена меня просто шокировала, все неожиданно вышло из-под контроля и совсем не походило на намеченный мною план знакомства.

— Так, пожалуйста, давайте договоримся свои личные симпатии и антипатии оставлять за дверью кабинета. На моем уроке занимаемся только языком!

Мальчишки с последних парт снова заржали, в разных вариациях обыгрывая слова «заниматься» и «язык». Обстановка в аудитории стремительно менялась, увы, не в мою пользу: голоса становились увереннее, смех громче, а позы развязнее.

Меня охватило чувство, опасно близкое к панике. Нет, меня предупреждали, что в этой группе будущих архитекторов собрались все самые «оторви и выбрось», но кто же знал, что будет настолько сложно!

Стрельнула взглядом на первую парту: серо-голубые глаза смотрели умоляюще. Я прямо видела, как губы беззвучно шептали: «пожалуйста, пожалуйста, не позорь меня!»

Я совершенно растерялась, не зная, как утихомирить эту ораву озлобленных, отбившихся от рук второкурсников. Конечно, мне и раньше попадались трудные ученики, в прошлой школе было несколько абсолютно неуправляемых ребят, но чтобы вот так с ходу вести себя неуважительно при новом педагоге...

Дверь с грохотом открылась, и в кабинет сначала заглянул, а затем вразвалку вошел высокий парень, больше похожий на молодого преподавателя, чем на студента. Перекинутый через плечо рюкзак, черный балахон с россыпью черепов на капюшоне. Темные волосы небрежно сбились на затылке, придавая мальчишке хулиганский вид.

Вошел и застыл, пробежав по моей фигуре любопытным взглядом. Густая бровь выгнулась вопросительной дугой:

— Можно войти? Плиз.

Снова хохот. Но уже какой-то другой, расслабленный. Краем глаза обратила внимание, как преобразились девочки: выпрямили плечи, жеманно поправляя прически. Одна — длинноволосая блондинка — даже зеркальце достала.

— Ваша фамилия? — обратилась к опоздавшему, взяв в руки новенький журнал посещаемости.

— Набиев. Ян.

Я подняла на него взгляд, буквально раскрыв рот от такой неслыханной дерзости.

Назвать преподавателя по имени? Ну это, знаете ли, уже ни в какие рамки...

Пробежала быстрым взглядом список фамилий, где числился и Набиев Ян, и едва подавила сконфуженную улыбку.

Как хорошо, что промолчала, а то выставила бы себя полной дурой перед студентами. Ника бы мне точно этого в жизни не простила!

— Please, sit down, — уткнувшись в еще пахнувший свежей бумагой и типографской краской журнал, неопределенным жестом отравила нахала на свое место.

Набиев вальяжно прошел мимо, обдав «ароматом» свежего табака, и, приземлившись за четвертую парту на первом ряду, небрежно бросил рюкзак прямо на пол. Вытянув длинные ноги, откинулся на спинку стула. Только руки осталось за голову заложить — и считай, на пляже отдыхает. Карие глаза в обрамлении густых ресниц так и сверлили, вынуждая меня — уже взрослую женщину, педагога — теряться и неуверенно ерзать на стуле.

Верзила что-то бубнил, перемежая треп с булькающим смехом, его сосед, долговязый брюнет с волосами-сосульками и отсутствующим передним зубом, вторил ему, непрерывно гогоча над каждым словом. Буквально заходилась со смеху, краснея, как переспелый помидор.

К такому жизнь меня не готовила. Чувствую, нелегко мне здесь придется. Ох как нелегко.

Глава 2

Ника

Спросите у любого студента: что для тебя личный ад? Уверена, что каждый ответит, что это кто-то из родственников среди преподав! Угораздило же Янку прийти работать именно в мой технарь и вести английский именно у нашей группы! Это же отстой, никакой личной жизни теперь, что дома, что на учебе — везде глаза и уши.

Нет, она сестра нормальная, не докучает советами и в личную жизнь нахрапом не лезет, но все-таки... сестра есть сестра. К тому же старшая.

Пока никто из группы не знает, что новая англичанка моя родственница, но скоро придется расколоться: по-любому не сегодня, так завтра все станет известно.

У нас в группе родственные связи с преподами не в почете, не хотелось бы, чтобы потом все думали, что сестра мне оценки натягивает. Как маменька Загорского: бегают по кабинетам, выпрашивает с протянутой рукой для сыночки отлично. Чуть ли не сопли за ним подтирает. Он в истории архитектуры ни в зуб ногой, но в зачетке всегда твердое отлично. Прям мистика. Сын на парах балду гоняет, а мать-преподша ему оценки наколдовывает. Не уважает у нас никто Загора, называют маменькиным сынком. Аж ужас берет, если будут думать, что Янка так же делает. Строго-настрога приказала ей дома, чтобы никак меня среди остальных не выделяла и гоняла наряду со всеми, если не больше всех. И так из-за матери нет-нет да подколят, теперь еще сестра-училка добавилась.

Хотя, когда она сегодня в группу вместе с Курагой вошла, все так рот и раскрыли. Янка красивая. Очень. Волосы длинные, густые, талия тонюсенькая, грудь большая, а не как у меня. Нет, я тоже не страшная, много раз слышала, что мы с сестрой как две капли, но я все равно считаю, что Янка гораздо красивее. Когда она была в моем возрасте, все самые популярные парни школы за ней бегали, а за мной только Юрик да Загорский, которого я просто терпеть не могу! Фу, даже стыдно перед девчонками из-за такого кавалера.

После уроков Лосева с Минаевой, по сложившейся еще в прошлом году традиции, пошли курить за технарь, ну и остальная свита гуськом за ними. Ну и я поплелась, конечно, мы же с Лосевой типа «подружки» за летние каникулы стали.

Хотя вижу я, какие мы подружки: стоило Минаевой в конце августа из Сочи вернуться, как Верка сразу на вражескую территорию переметнулась. Знает же, как мы с Минаевой друг друга терпеть не можем, а все равно к ней в другини набивается. А все потому, что Полина Минаева крутая и дружить с ней престижно. И компания у нее из самых классных мальчиков колледжа. Да что там колледжа — номера всех

красавчиков города в ее записной книжке. Впрочем, мне с Полиной тоже дружить пока выгодно, есть у меня некие скрытые интересы, поэтому антипатию свою временно засунула куда подальше.

Отодвигая ветки, дабы ненароком не угодить себе в глаз, расчистила путь, ступая следом за девчонками вглубь разросшегося за лето кустарника.

Студенты-разгильдяи, типа нас, организовали там что-то вроде курилки: со всех сторон «пяточок» окружали густые кусты, можно было спрятаться там и быть уверенными, что ни с улицы, ни со двора технаря никто не увидит. Дворники иногда разгоняли собравшуюся там шайку-лейку, но ненадолго — на следующей перемене там снова собиралась молодежь. Кто-то курил, кто-то списывал, а кто-то даже распивал дешевое пиво после пар.

— Зачетная новая англичанка, да? — Лосева, опережая всех, заняла свободный пенек в центре вытоптанного «пяточка». — И молодая такая.

— Ну ничего такая, да, — протянула Минаева, присаживаясь рядом с Веркой, пододвигая ту бедром. — На лицо симпатичная и фигура ничего, но вы видели, что на ней надето? Это же чистый ужас! Я даже мусор выносить бы в таком не пошла.

— А что не так? Юбка, блузка... — пожала плечами Вера, у которой кофточка была чем-то похожа на Янкину.

— Синтетическая тряпка, а не блузка. И юбка дешевая, все швы кривые. Про туфли я вообще молчу. С тупым носом! Где она их купила — на блошином рынке? — хохотнула Полина, и девчонки дружно поддержали «удачную» шутку.

Мне было дико неприятно это слушать, хотелось буквально сквозь землю провалиться от стыда за сестру. Взглянула на свои стоптанные кеды, обмахрившиеся по низу джинсы с застиранным пятном на коленке...

Минаева откинула за плечи свои роскошные белокурые волосы и, щелкнув пластиковой зажигалкой, прикурила сигарету.

Что бы она понимала! Родилась с золотой ложкой во рту, с детства все на блюдечке: самые крутые игрушки, тряпки. Отец — капитан дальнего плавания — приезжает два раза

в год с мешком денег, мать в городском суде работает, тоже не копейки получает. Полька как сыр в масле катается и даже не думает о том, что кому-то нужно полмесяца впахивать, чтобы позволить себе такую же сумку, как у нее.

— Слушай, Вероник, эта Яна Альбертовна так на сеструху твою похожа. Ее же тоже Яна зовут? — хитро прищурившись, спросила Панкратова Даша.

Ведь знает же наверняка, зачем эти дурацкие наводящие вопросы задавать?! Захотелось втащить Панкратовой.

— Она и есть моя сестра! — гордо задрав подбородок, ошарашила присутствующих я.

— Англичанка твоя сестра? — Минаева выпучила глаза с аккуратно покрашенными ресницами. — Ну дела! А чего раньше не сказала?

— Ну а что говорить? Я думала, что вы знаете... — отмазалась.

Вспомнила, как буквально только что Полина смеялась над Янкиной одеждой, и так стыдно стало. А еще больше стыдно за то, что стесняюсь родную сестру, которая на сегодняшний день единственная кормилица в семье.

— А чего это у вас тогда фамилии разные? Она — Иванникова, ты — Боярова? — не унималась Минаева, выдыхая тоненькой струйкой сигаретный дым.

— Может, потому, что у нас разные отцы? — огрызнулась я, мечтая втащить и Минаевой тоже.

— Мамка твоя времени даром не теряла, я смотрю, когда только успела, у нее же столько «работы»! — фыркнула Полина, изображая пальцами кавычки.

Ни капли совести! Кулаки сжались сами собой. Драться с ней себе дороже — с Минаевой никто связываться не хочет, поэтому она и позволяет себе все, что хочет. Но когда-нибудь моя чаша терпения переполнится, и тогда...

— А вы видели, как Набиев на Никину сестру таращился? Думала, зенки выпадут и укатятся куда-нибудь под парту, — засмеялась Лосева, намеренно сменив тему.

— Ничего он не пялился, тебе к окулисту пора, Лосева, — рывкнула Полина и заметно скисла, уткнувшись в расшитый бисером блокнот.

Тема Набиева для нее острая: он единственный, кто посмел не пасть к ее ногам. И так она к нему и сяк — бесполезно. Говорят даже, она в техникум поступила только потому, что он туда же пошел, хотя Минаева этот факт отрицает, утверждая, что просто провалила вступительные в питерский вуз. Впрочем, как и сам Набиев.

Нет, надо отдать должное: флиртовали они напропалую, но дальше обжиманий ничего не заходило. Не знаю, нравился ли он ей действительно или она хотела заполучить его назло всем девчонкам в технаре, но его наплевательское отношение к ее королевской персоне Минаеву страшно оскорбляло.

Я скисла тоже. Во-первых, потому, что для меня стало открытием, что Ян глазел на мою сестру, я сижу впереди него, не видела, куда он там смотрел, а во-вторых, тема Набиева для меня тоже острая. Ведь я, как и многие, в него тайно и абсолютно безнадежно влюблена.

Глава 3

Ян

С утра день не задался.

Проснулся от рева отца — орал, будто ему хвост прищемили. Носился по всему дому, причитая, что потерял какие-то важные документы.

Сорвался на мать, мол, это она опять убирала и куда-то засунула.

Мать бегала за ним по всему дому, причитая: «Рома, дорогой, это не я! Правда не я!» — теряя следом за собой дольки огурцов, которые опять зачем-то налепила на лицо.

Это ее маниакальное желание омолодиться скоро сведет с ума всю семью!

Вчера отец по ошибке съел полбанки какой-то бурды на сметане, оказалось, это мать маску для лица намешала и охлаждать в холодильник поставила. Вот батя потом орал из туалета — полчаса сидел бедолага, на совещание опоздал. А сегодня на огурце поскользнулся, ударил и так больную ногу.

— Твою мать, Нонна, у меня же мениск! — матерился тот, поскуливая и потирая ушибленное колено.

— А я говорила, что эта бронзовая статуэтка здесь ни к чему, только интерьер портит. Снеси ее в гараж, — охала мать, помогая подняться страдальцу.

Помогая — громко сказано, конечно. В отце сто шестьдесят кило живого веса, а в маме дай бог пятьдесят вместе с сережками.

— Я быстрее тебя в гараж снесу! Это подарок Гоги, на наш, кстати, юбилей! — неуклюже поднимаясь, кряхтел глава семьи.

— Ромочка, может, тебе сеточку йодовую на колено? — не обиделась мама, поглаживая отца по вспотевшей лысине. — Ну-ну, ну не злись, я же хочу быть у тебя самой молодой и красивой.

— Ты у меня и так самая красивая, птичка моя.

Птичка, рыбка, котик... Не дом, а зоопарк. Интересно, так во всех семьях или это только моя такая пришибленная?

У матери идея фикс вернуть молодость, потому что она считает, что у отца любовница. Если честно, верилось в это с трудом — батя вечно пропадает в своей администрации, да и выглядит он, мягко говоря, не товарно: огромный живот, рыбы глаза, двойной подбородок — на мечту миллионов женщин не смахивает даже отдаленно. Но он хорошо зарабатывает, это, конечно, его неоспоримый плюс, так что почва у страхов мамы все-таки есть.

Увы, деньги в наше время решают все. Девчонки как запах купюр чувствуют, так у них сразу волшебным образом притупляются и зрение, и совесть. Знаю я таких. Да та же Минаева из группы: через пару лет найдет себе богатого папика и будет у него на шее сидеть, ногами болтать. Только и разговоров: деньги, тряпки, побрякушки. Прицепилась ко мне как банный лист — сначала хвостом ходит, а потом, стоит ее приобнять, так сразу: «Уйди, я не такая». И сама тут же плечо оголяет.

Что за дебильная стратегия? Неужели она считает, что я поведу себя типа на «запретный плод»? Никогда женщин не пойму.